

ній канцеляристъ курскаго губернскаго правленія, Битюковъ. Знакомство это закончилось страшною бѣдой. Послѣ жалобы Грязева на то, что жена и Битюковъ покушались на его отравленіе, послѣ тянувшагося въ теченіе трехъ лѣтъ судопроизводства состоялся грозный приговоръ: Битюкова на курской городской площади высѣчь плетми и отправить въ Сибирь, Софью Грязеву сослать также въ Сибирь, но безъ тѣлеснаго наказанія, какъ дворянку...

Надо сказать, что судебное дѣло относительно обоихъ обвиняемыхъ было очень запутаннымъ. Старикъ Грязевъ, выпивъ стаканъ чаю, «катался отъ живота»... Въ стаканѣ оказались свинцовыя бѣлила и такъ называемая сурьма. Онъ заявилъ, а дворовые его поддержали, о томъ, что жена хотѣла «извести» его ядомъ и, при содѣйствіи своего любовника Битюкова, всыпала отраву въ чай, отчего онъ чуть не погибъ. А жена защищалась на судѣ тѣмъ, что у нея никакого яда не было, а стояли себѣ на окнѣ снадобья для того, чтобы бѣлиться и румяниться, а брови и рѣсницы чернить, и все это дѣлалось ею «изъ женской слабости и модности» (sic!), какъ это записалъ въ протоколѣ повѣтчикъ курскаго земскаго суда. Хотя подлиннаго судебного дѣла до нашего времени не сохранилось, но изъ выдержекъ изъ него видно, что обвиненіе Грязевой и Битюкова было слишкомъ раздуто, но въ то же время крѣпко - накрѣпко подтверждено свидѣтельскими показаніями дворовыхъ. Они же, повидимому, были инспирированы Грязевымъ. Но, какъ бы ни было дѣло, курская уголовная палата обрекла обоихъ подсудимыхъ на тяжкую участь... Они пропали навсегда для той жизни, къ которой привыкли и которую вели.

У Битюкова были вотчимъ и родная мать. Послѣ осужденія сына она напрягала всѣ усилія для того, чтобы избавить его отъ страшнаго позора и жестокаго наказанія. Благодаря ея ходатайствамъ, дѣло объ обвиненіи Грязевой и Битюковой разбиралось въ сенатѣ. Тамъ мнѣнія сенаторовъ раздѣлились такимъ образомъ, что понадобился переносъ грязевскаго дѣла въ государственный совѣтъ, гдѣ окончательно былъ утвержденъ приговоръ уголовной палаты и подтвержденъ Александромъ I. Въ Курскъ пришло предписаніе объ исполненіи приговора.

Несчастливая Софья Егоровна немедленно была отправлена въ Сибирь. Битюковъ сидѣлъ въ курскомъ острогѣ и готовился къ плетямъ. На Богословской площади, за Херсонскими воротами, уже былъ поставленъ эшафотъ, назначенъ день казни, какъ вдругъ въ глубокую ночь Битюковъ бѣжалъ и пропалъ безъ вѣсти. По всѣмъ вѣроятіямъ, любящая своего единственнаго сына мать пустила въ ходъ послѣднія усилія, подкупила кого слѣдуетъ и спасла сына...

Битюковъ бѣжалъ вдаль отъ Курска, а эшафотъ разобрали арестанты.